

вления права на возмещение вреда не должен ограничиваться только уголовным преследованием. Незаконное осуждение лица либо применение к нему принудительных мер безопасности и лечения составляют самостоятельные предпосылки наделения его компенсационно-восстановительными полномочиями. Это обусловлено прежде всего различной юридической природой уголовного преследования, осуждения и применения принудительных мер безопасности и лечения.

Подводя итог проведенного анализа, следует признать, что закрепление в уголовно-процессуальном законе ограничительного перечня процессуальных действий в качестве оснований возникновения права на возмещение вреда, причиненного на досудебных этапах уголовного процесса, не обеспечивает максимальной защиты несправедливо пострадавшего гражданина и не соответствует принципу полного возмещения вреда. По нашему мнению, следует отказаться от такого подхода и в качестве единого основания возникновения исследуемого права на рассматриваемых стадиях указать незаконное уголовное преследование. Им охватывается вся совокупность процессуальных действий и решений, способных причинять вред правам и законным интересам личности. В связи с этим нуждаются в корректировке положения ст. 460 УПК. Очевидно, что расширение процессуальных предпосылок возникновения указанного права может повлечь увеличение расходов бюджета. Однако в ответ на скептический довод относительно экономической целесообразности предложенных нормативных изменений следует заметить, что в результате судебно-следственной ошибки авторитету правоохранительной системы наносится ущерб несоизмеримо выше тех затрат, которые необходимы для восстановления нарушенного правового статуса гражданина. Защита личности – конституционная обязанность государства, выполнение которой в максимальной степени призван обеспечить уголовно-процессуальный закон.

Библиографические ссылки

1. Архив суда Гродненского района за 2007 г. Уголовное дело № 1–9 / 2007.
2. Булатов, Б.Б. Правовое регулирование в УПК РФ привода участников уголовного процесса / Б.Б. Булатов // Рос. следователь. 2002. № 10.
3. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В.В. Витрянский [и др.] ; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. Т. 2. Полумом 2.
4. Грідюшко, П.В. Теория и практика применения иных мер уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.В. Грідюшко. Минск, 2004.
5. Ефимичев, С.П. Уголовно-процессуальное принуждение и место мер пресечения в решении задач предварительного расследования / С.П. Ефимичев // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. тр. / Высш. следств. шк. МВД СССР ; под ред. С.П. Ефимичева. Волгоград, 1987.
6. Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: Вопросы теории и практики / З.З. Зинатуллин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1981.
7. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. Минск : Тесей, 2005.
8. Мытник, П.В. Залог как мера пресечения / П.В. Мытник // Юстыцыя Беларусі. 2001. № 3. С. 34–36.
9. Он же. Следственные действия : учеб. пособие / П.В. Мытник. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005.
10. Об упрощении порядка выезда из Республики Беларусь : указ президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 643 // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008.
11. Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. М. : Наука, 1989.
12. Химичева, О. Реабилитация в уголовном судопроизводстве / О. Химичева // Законность. 2003. № 9.
13. Шейфер, С.А. Принуждение в следственных действиях / С.А. Шейфер // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования : сб. науч. тр. / Высш. следств. шк. МВД СССР ; под ред. С.П. Ефимичева. Волгоград, 1987.

С.В. Рыбак, преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

О ПРЕДЕЛЬНОМ СРОКЕ ДЕЙСТВИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЕДИНЫ

Исследуется вопрос о необходимости регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК) десятисуточного ограничения в применении меры пресечения в отношении подозреваемого. Изучению подвергнуты точки

зрения отечественных и российских ученых, а также мнение практических работников по рассматриваемому вопросу. На основе анализа ряда норм действующего УПК, а также практики их реализации, опираясь на аргументацию тождественности процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого на стадии предварительного расследования, обосновывается вывод о целесообразности и эффективности отмены предельного срока действия меры пресечения в отношении подозреваемого, регламентированного ст. 40, 108 и 118 УПК. Предлагается внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон, что повлечет за собой замену обвиняемого подозреваемым на большей части досудебного производства по уголовному делу.

В ст. 118 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусматривается возможность применения меры пресечения в отношении подозреваемого, а в ст. 117 закреплены основания для этого. Вместе с тем ч. 2, 3 ст. 40, ч. 5 ст. 108 и ст. 118 УПК регламентируют ограничения срока действия меры пресечения в отношении подозреваемого, обязывая орган уголовного преследования в течение 10 суток с момента ее применения предъявить лицу обвинение или отменить меру пресечения. Таким образом, для продления срока действия меры пресечения, избранной в отношении подозреваемого, необходимо в пределах указанного срока предъявлять данному участнику уголовного процесса обвинение, то есть изменить его процессуальный статус с подозреваемого на обвиняемого. Возникает вопрос о целесообразности этого. Попробуем разобраться, чем же обвиняемый в данном случае предпочтительнее законодателю.

Следует сказать, что значительное расширение объема субъективных прав подозреваемого на законодательном уровне обусловило повышенный интерес отечественных и российских ученых к изучению вопроса о соотношении правовых статусов подозреваемого и обвиняемого с точки зрения обоснованности и целесообразности их альтернативного участия в стадии предварительного расследования. Ярким примером может служить докторская диссертация Б.Я. Гаврилова, который на основе глубокого исторического, логического и этимологического анализа процессуальных статусов обвиняемого и подозреваемого, опираясь на зарубежный законодательный опыт и теорию диалектического развития права, предлагает внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменения, предусматривающие замену на стадии предварительного расследования обвиняемого подозреваемым [2, с. 47]. Аналогичные по сути предложения высказаны и отечественным автором А.В. Гончаровым, который исходил в первую очередь из функционального анализа деятельности следователя и дознавателя [3, с. 113–114]. Не вдаваясь в сущность приводимых учеными аргументов, следует признать, что возможность и целесообразность этого предложения необходимо оценивать прежде всего с точки зрения его практической значимости, но при условии, если оно не повлечет каких-либо ограничений лица в реализации права на защиту. Для проверки выполнения названного условия представляется необходимым проведение сравнительного анализа процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого: объема и содержания их субъективных прав и обязанностей, функции, реализуемой ими при производстве по уголовному делу.

Правомочия подозреваемого и обвиняемого закреплены соответственно в ч. 2 ст. 41 и ч. 2 ст. 43 УПК. Их количественное превосходство у обвиняемого (28 против 18) обусловлено участием последнего в судебных стадиях, а также регламентацией ряда прав, связанных с предъявлением обвинения, ознакомлением с материалами уголовного дела и окончанием предварительного расследования (п. 12, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27 ч. 2 ст. 43 УПК). Остальные права подозреваемого и обвиняемого по форме и содержанию по сути совпадают. Очевидна идентичность и их обязанностей, предусмотренных ч. 4 ст. 41 и ч. 4 ст. 43 УПК соответственно, за исключением некоторых терминологических особенностей, обусловленных участием обвиняемого в судебных стадиях. Не вызовет острых возражений утверждение о том, что подозреваемый и обвиняемый осуществляют на стадии предварительного расследования общую процессуальную функцию – защиты.

Отсюда вытекает, что главным отличием данных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений на стадии предварительного расследования является объем знаний, необходимый для их возникновения [4, с. 34–35]. Именно различие в материальном основании наделения лица соответствующим процессуальным статусом и является наиболее весомым фактором, препятствующим отождествлению подозреваемого и обвиняемого. Если для постановки лица в положение подозреваемого достаточно такое количество данных, которое порождает возникновение у органа уголовного преследования обоснованного предположения о совершении лицом деяния, содержащего признаки преступления (то есть подозрения¹), то для привлечения в качестве обвиняемого необходимо наличие достаточных доказательств, указывающих на совершение лицом преступления (ст. 240 УПК). Доказательства представляют собой частный случай данных. Они должны быть собраны, проверены и оценены в соответствии с требованиями, предусмотренными ст. 103–105 УПК, и содержать сведения высокой степени достоверности. На основании этих доказательств формулируется обвинение. В исследуемых нами п. 1, 18 ч. 2 ст. 41 УПК речь ведется о подозрении, в то время как в соответствующих им п. 1, 28 ч. 2 ст. 43 УПК – об обвинении. Видится бесспорным утвержде-

¹ УПК не содержит дефиниции подозрения. Под данным термином мы понимаем основанное на фактических данных предположение органа уголовного преследования о совершении лицом деяния, содержащего признаки преступления.

ние о том, что в уголовно-процессуальном законодательстве тезис обвинения, выдвигаемый в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, отличается полнотой, четкостью формы фиксации, содержит необходимое юридическое обоснование. Далеко не все это излагается в постановлении, выражающем официальное подозрение. Да и обязательные реквизиты данных постановлений не совпадают. Именно этот фактор и препятствует отождествлению процессуальных статусов сопоставляемых участников на стадии предварительного расследования.

Вместе с тем, как показывает практика, в настоящее время тезис подозрения, по сути, мало чем отличается от тезиса обвинения. Разница в том, что в первом случае орган уголовного преследования высказывает предположение о причастности лица к совершению преступления, а во втором – утверждает это. Регламентация единого способа наделения лица статусом подозреваемого путем вынесения постановления о признании его таковым, а также закрепление в УПК жестких требований к форме и содержанию данного документа максимально сблизит подозреваемого с обвиняемым в этом вопросе. Конечно же, в его описательной части не могут содержаться реквизиты, аналогичные постановлению о привлечении в качестве обвиняемого. Ведь в соответствии с ч. 1 ст. 241 УПК в последнем должно найти отражение описание инкриминируемого обвиняемому преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 89 УПК. В перечень этих обстоятельств включена и виновность обвиняемого в совершении преступления. В то же время трудно представить, каким образом в начале или середине предварительного расследования возможно с достоверностью установить виновность обвиняемого. Даже если требуемые обстоятельства и будут установлены в кратчайшие сроки, то правильнее было бы говорить о необходимости завершать предварительное расследование, так как любое промедление в данном случае идет в разрез с задачей защиты личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого расследования преступлений, регламентированной ч. 1 ст. 7 УПК. Очевидно, что только по результатам всестороннего, полного и тщательного исследования обстоятельств дела можно всерьез говорить о наличии достаточной совокупности доказательств, позволяющей сформулировать законное и обоснованное обвинение.

Приведенные доводы свидетельствуют о том, что практически на всей стадии предварительного расследования орган уголовного преследования законно и обоснованно может лишь предполагать о совершении лицом деяния, содержащего признаки преступления, то есть подозревать его в этом. Появление в уголовном деле достаточных доказательств для предъявления лицу обвинения, позволяющих трансформировать «предположение» в «утверждение», должно автоматически ставить вопрос об окончании предварительного расследования. Учитывая изложенные аргументы, а также тождественность прав и обязанностей подозреваемого и обвиняемого на стадии предварительного расследования, осуществляемой ими уголовно-процессуальной функции, обоснованной видится постановка вопроса о пребывании лица на большей части названной стадии в положении подозреваемого, что не повлечет ограничений в реализации лицом права на защиту¹. Необходимость же реализации данного предложения диктуется потребностью в разрешении ряда прикладных проблем, связанных в первую очередь с преждевременным наделением лица статусом обвиняемого. Так, на практике распространены случаи предъявления так называемого промежуточного обвинения². Орган уголовного преследования официально выдвигает обвинение, утверждая о совершении лицом преступления, несмотря на то, что на самом деле имеются данные, позволяющие лишь предполагать о причастности лица к его совершению. 73,3 % от общего числа опрошенных сотрудников подразделений предварительного расследования, прокуратуры и адвокатов признают, что «промежуточное» обвинение чаще всего предъявляется в связи с невозможностью отмены меры пресечения, а не по причине реального наличия достаточных доказательств для его предъявления. Вследствие этого видится закономерной позиция 67,3 % респондентов, считающих «промежуточное обвинение» лишним процессуальным действием, загромождающим процесс и усложняющим расследование. Следует учесть, что доказательства, необходимые для применения меры пресечения и предъявления обвинения, находятся в разных плоскостях. Наличие первых еще не свидетельствует о возможности перехода подозрения в обвинение, о чем нередко забывают практические работники, предъявляя «промежуточное» обвинение без достаточных

¹ Высказанное утверждение имеет смысл в том случае, когда в УПК будет закреплено понятие подозреваемого, отражающее его сущность и процессуальную природу, основания его возникновения в процессе, будут регламентированы дефиниция и предпосылки зарождения подозрения, а также унифицировано процессуальное основание наделения лица статусом подозреваемого, сформулированы строгие и жесткие требования к составлению данного документа.

² Термин «промежуточное обвинение» не является уголовно-процессуальным. Вместе с тем нами используется данная категория для обозначения обвинения, предъявляемого в соответствии со сроками, установленными ст. 40, 108 и 118 УПК. В нем, как правило, формулируются лишь отдельные эпизоды преступной деятельности обвиняемого либо не указываются все квалифицирующие признаки и необходимые элементы тезиса обвинения. Оно является не окончательным и в ходе предварительного расследования предъявляется вновь. Иногда в юридической литературе это обвинение называют первоначальным. Указанные случаи имели место в 67 из 300 изученных уголовных дел, что составило 22,3 % от общего количества. Следует учесть, что изучению подвергались в большей мере наиболее простые, чаще «одно-эпизодные» уголовные дела. Что же касается случаев обвинения одного лица в совершении нескольких преступлений, то здесь процедура предъявления обвинения дублируется почти в каждом из них.

для этого доказательств и вызывая тем самым вопросы о его законности и обоснованности. Впоследствии, как правило, при завершении расследования, обвинение предъявляется вновь, но уже в полном объеме. Вместе с тем процедура предъявления обвинения довольно громоздкая. Статья 243 УПК помимо вынесения самого постановления о привлечении в качестве обвиняемого с отражением всех реквизитов, регламентированных ч. 1 ст. 241 УПК, включает в нее следующие действия: удостоверение в личности обвиняемого и в полномочиях защитника, законного представителя, разъяснение обвиняемому его прав и составление соответствующего протокола, объявление обвиняемому постановления о привлечении в качестве такового, разъяснение сущности предъявленного обвинения, вручение копий постановления о привлечении в качестве обвиняемого и протокола разъяснения прав. Статья 244 УПК обязывает следователя, дознавателя допросить обвиняемого немедленно после предъявления обвинения. В случае когда оно предъявляется несовершеннолетнему лицу, процедура еще более усложняется обязательным участием законного представителя, педагога или психолога (ст. 435, 436 УПК). И все это орган предварительного расследования вынужден дублировать в полном объеме при предъявлении окончательного обвинения, на что тратится значительное количество времени и сил. Положение усугубляется тем, что по ряду уголовных дел, в первую очередь многоэпизодных, обвинение предъявлялось более двух раз. Неоднократное повторение процедуры предъявления обвинения не согласуется с закрепленной в ч. 1 ст. 7 УПК задачей уголовного процесса – защитой личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого расследования преступлений. Замена на стадии предварительного расследования преждевременного и часто не подкрепленного достаточными доказательствами утверждения о совершении лицом преступления (тезис обвинения) на обоснованное предположение об этом (тезис подозрения) устранил необходимость в предъявлении «промежуточного» обвинения, что приведет к процессуальной экономии, а главное – будет способствовать защите лица от поспешного привлечения в качестве обвиняемого.

Представленные аргументы теоретического и прикладного характера, по нашему мнению, убедительно доказывают возможность, эффективность и рациональность замещения обвиняемого подозреваемым на большей части стадии предварительного расследования, вплоть до ее заключительного этапа. Однако обязательным условием для реализации названного предложения является совершенствование процессуального статуса подозреваемого: его понятия, оснований возникновения и прекращения участия в уголовном процессе, гарантий получения своевременной информации об имеющимся в отношении его подозрении. Регламентация в УПК формулировки «подозрения» и предпосылок его зарождения нормативно закрепит надежные гарантии обоснованности вовлечения лица в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого и пребывания его в данном процессуальном статусе, позволит обоснованно поднять вопрос о привязке момента трансформации подозреваемого в обвиняемого ко времени принятия решения о завершении расследования. Согласно результатам проведенного исследования в 60,3 % случаев из 300 изученных уголовных дел обвинение предъявлялось за 1–3 суток до окончания предварительного расследования и 57,3 % опрошенных следователей и дознавателей предъявляют окончательное обвинение в этот же срок¹. Приводимые статистические данные свидетельствуют о том, что практика уже пошла по предложенному пути. Законодатель сам создал условия для этого, максимально сблизив процессуальные статусы подозреваемого и обвиняемого, что устраняет необходимость внесения коренных изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Вместе с тем в случаях применения в отношении подозреваемого меры пресечения для продления срока действия последней ч. 2, 3 ст. 40, ч. 5 ст. 108 и ст. 118 УПК обязывают орган уголовного преследования в течение 10 суток предъявить лицу обвинение, что идет в разрез с общей тенденцией сближения сроков окончания предварительного расследования и предъявления обвинения. Данное ограничение выглядит не совсем понятным и в том плане, что основания применения меры пресечения для подозреваемого и обвиняемого одинаковы и закреплены в ст. 117 УПК. Они никак не связаны с уровнем уверенности органа уголовного преследования в причастности лица к совершению преступления, то есть с объемом доказательств, имеющихся в деле на момент избрания меры пресечения. Отменить меру пресечения можно лишь при условии, когда в ней отпадает дальнейшая необходимость (ч. 4 ст. 119 УПК), то есть когда исчезают основания ее применения, которые одинаковы как для обвиняемого, так и для подозреваемого. Возникает вопрос: что изменится с обоснованностью применения меры пресечения, если мы предъявим обвинение? Да ничего. Думается, что это ограничение является пережитком ранее господствовавших в науке уголовного процесса взглядов, нашедших отражение в УПК 1960 г. Прежний закон отдавал предпочтение обвиняемому с точки зрения более высокого уровня защищенности его прав. Однако ситуация в этой области изменилась и подозреваемый по процессуальным гарантиям реализации прав на стадии предварительного расследования

¹ Следует также учесть, что приблизительно в каждом пятом случае, входящем в число этих 60,3 %, обвинение лицу предъявлялось несколько раз, в то время как мы отталкиваемся от времени вынесения последнего варианта постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

сравнился с обвиняемым. В этой связи с учетом высказанных выше предложений по совершенствованию законодательства видится логичным исключение названных норм из УПК.

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые российские ученые, подтверждая целесообразность и актуальность высказанного предложения рядом аргументов, свойственных специфике российского уголовного процесса, а также эмпирическими данными анкетирования сотрудников следственных подразделений [5, с. 134–135; 6, с. 151–152]. Около 73 % от общего количества практических работников, подвергнутых анкетированию, считают целесообразным закрепить присутствие подозреваемого на всей стадии предварительного расследования, наделив его правами, связанными с ознакомлением с уголовным делом. Развивая данную идею, 70,8 % опрошенных респондентов высказывают мысль о слиянии момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого с моментом принятия решения прокурором о направлении уголовного дела в суд. В теории отечественного уголовного процесса имели место аналогичные предложения [1, с. 13; 3, с. 113–114].

В то же время ряд обстоятельств препятствует реализации названного предложения. Так, руководствуясь ст. 191 УПК, следователь по окончании предварительного расследования принимает одно из следующих решений: о прекращении производства по уголовному делу; о передаче дела прокурору для направления в суд; о передаче дела прокурору для направления в суд для решения вопроса о применении принудительных мер безопасности и лечения. Для того чтобы эти решения были законными и обоснованными, в ходе расследования должны быть установлены все обстоятельства дела, подлежащие доказыванию, добыты достаточные доказательства, дающие возможность определить дальнейшее направление движения дела, реализованы права заинтересованных участников процесса. Здесь нужно говорить об установлении такого уровня достоверности информации о преступлении, который позволяет утверждать о виновности или невиновности лица в его совершении. Принимая одно из указанных решений только на основе предположительных сведений – подозрения, которое в ходе предварительного расследования так и не трансформировалось в обвинение, орган уголовного преследования нарушит требование полноты расследования преступлений, закрепленное в ст. 7 УПК. Помимо этого любые законодательные изменения должны носить комплексный характер, преломляться с учетом их эффективности как в обеспечении прав и свобод граждан, так и в достижении целей борьбы с преступностью. Идея нормативного закрепления за прокурором решения вопроса о предъявлении обвинения предполагает внесение существенных изменений в регламентацию института окончания предварительного расследования, а также пересмотра положений УПК, связанных с регулированием участия прокурора, подозреваемого и обвиняемого в производстве по уголовному делу на стадии предварительного расследования. Возможность, логичность и рациональность данных преобразований, прежде всего с точки зрения соблюдения прав, свобод и законных интересов участников процесса, до настоящего времени в полном объеме не исследованы, что позволяет констатировать их преждевременность.

Библиографические ссылки

1. Ашитко, В.П. Оптимизация стадии судебного разбирательства в уголовном процессе / В.П. Ашитко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2006. № 2 (12).
2. Гаврилов, Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Б.Я. Гаврилов ; Акад. упр. МВД России. М., 2004.
3. Гончаров, В.А. Обвиняемый в уголовном процессе (досудебное производство) / В.А. Гончаров. Минск : ИООО Право и экономика, 2006.
4. Козел, А.А. Проблема истины в философии и уголовном процессе / А.А. Козел, С.В. Рыбак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2006. № 2 (12).
5. Пономаренко, С.И. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Пономаренко. Волгоград, 2005.
6. Стрёмовский, В.А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе / В.А. Стрёмовский. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966.